

— Я пошла!

— Возвращайся к обеду!

— Хорошо-о!

Сегодня такая прекрасная погода!

Попрощавшись с мамой, я отправилась на деревенскую площадь, где меня уже ждал Кил-кун и остальные.

— О-о, пришла все-таки.

— Ага.

Кил-кун нетерпеливо ждал меня, подёргивая похожими на собачьи ушами.

Остальные уже собрались.

— Сегодня сестрицы Садины нет, поэтому к морю идти нельзя... хотя она и говорила, что можно.

— Так ведь ты в прошлый раз чуть не утонул, Кил-кун.

— 3-замолчи. Короче, сегодня идём играть на лугу.

— Хорошо!

Все дружно кивнули.

— Тогда вперед! И не вздумай отставать.

— Ты за кого меня принимаешь? Я вообще-то быстро бегаю!

Мы побежали в сторону луга наперегонки.

И всё-таки бегала я очень хорошо. Кил-кун был лучшим бегуном среди нас, но я бегала не хуже.

Только я тронулась с места, как остальные тут же остались позади.

— А ты и правда быстрая, ...-тян.[□]Имя опущено автором.

— Надо выставить руки перед собой и думать о том, чтобы двигаться вперёд — тогда и бежать будешь быстро.

Пока я рассказывала отстающим, как правильно бегать, мы добрались до луга.

Папа сказал мне быть осторожной, потому что там могут быть монстры, но ведь они мне никогда не попадались.

— Что сегодня делать будем?

— Бли-ин, проиграл. В следующий раз обязательно догоню, — Кил-кун смотрел на меня с обидой.

Хи-хи. Я себя сегодня чувствую замечательно как никогда.

— Тогда может сегодня в догонялки поиграем?!

— О, да!

— Ага!

Все тут же поддержали мою идею.

— Я буду водить! Я же пообещал догнать тебя.

— Попробуй, догони!

Кил-кун страшно не любил проигрывать, но в этом и был его шарм.

— А-ха-ха-ха-ха.

— Чёрт. Да стой же ты!

Кил-кун так разозлился, что гонялся только за мной.

В конце концов, даже мы устали и дружно решили сделать перерыв.

— Во что ещё поиграем?

— А никому никуда не надо?

— Мне помогать не надо, так что я могу.

Иногда кто-то уходил пораньше, чтобы помочь родителям. Я сама иногда помогаю маме готовить.

— Может, ещё раз в догонялки?

— Мы устали, дай отдохнуть.

Кил-куна так и переполняла энергия. Мальчик, что с него взять.

— Эх, вы... ну тогда все, кто ещё не устал, давайте в прятки.

— Ага!

Мальчики дружно встали и продолжили играть.

— Они такие бодрые.

— Ага...

Мы с Лифаной-тян сидели подле друг друга и с улыбкой наблюдали за мальчиками.

— Слушай. Тебе в деревне кто-нибудь нравится?

— М-м...

В какой-то момент мы с ней достигли того возраста, в котором начали задумываться о любви.

Девушки постарше из деревни постоянно перешёптывались о том, кто с кем встречается, кто с кем помолвлен, и эти истории всегда пробуждали в нас интерес.

— Мне нравятся люди вроде папы...

— Да нет же, нашего с тобой возраста.

— Хм-м.

Я посмотрела на Кил-куна и остальных мальчиков, самозабвенно игравших в прятки.

Всё-таки самым симпатичным из них был Кил-кун. И лицо у него приятное. А вот меня, как бы неприятно это ни было признавать, фигура из зеркала не обнадеживала.

В соседнем городе было множество симпатичных девочек, которые становились только краше с каждым годом.

Я слышала, что моя раса особой красотой не отличается...

Но папа у меня красивый и обаятельный. Я хочу быть как он.

А мама считает красивыми всех. Она такая добрая, и готовит хорошо...

Однажды я спросила ее: «А когда я вырасту, буду красивой?»

В ответ мама с улыбкой кивнула.

Значит, когда подрасту — стану красоткой.

Позже я спросила её, а как это, влюбляться в кого-то? Это похоже на ту любовь, что я знаю? Вопрос её озадачил.

Похоже, это не совсем та «любовь», к которой я привыкла.

— Знаешь, похоже, что любовь — она разная, так что я не уверена. Мама сказала, это не та любовь, которую я знаю.

— Ясненько. А я, знаешь, хочу выйти за кого-нибудь, похожего на Героя Щита из легенды!

Лифана-тян — моя лучшая подруга в деревне. Она женственней меня и очень любит поговорить о любви и возлюбленных. Больше всего её восхищали четыре Героя из древних легенд... а среди них — Герой Щита, ценивший полулюдей.

— Я...

Она продолжала рассказывать.

До этого самого момента я никогда не сомневалась в том, что эти мирные деньки будут продолжаться вечно.

Пыщ!

Рядом с нами раздался громкий звук.

Стоило мне задуматься о том, что произошло, как воздух вдруг задрожал, а затем нас едва не сдул ветер.

— А!

— Кья!

— О-о!

Все тут же пригнулись и стали ждать, пока ветер не утихнет.

Вскоре он и правда стих, и вновь стало тихо.

— Ч-что это было?

— Эй, смотрите.

Кил-кун указал пальцем в небо.

Я посмотрела туда же и обомлела.

Прямо по небу, чуть дальше луга, шёл зловещий красный разлом, словно кто-то ранил небо ножом.

— Что будем делать?

— Мне родители говорили немедленно сообщить в деревню, если что-то случится.

— Если мы не посмотрим что случилось сейчас, то когда?

— Нет, Кил-кун!

Все вместе мы остановили Кил-куна, схватили его и быстро вернулись в деревню.

— Рафталия!

— Папа!

Папа как раз вернулся из города. Я сразу же подбежала к нему.

— Ты в порядке? Не испугалась?

— Нет. Ты сказал мне немедленно возвращаться в деревню, если что-то случится, вот я так и сделала

— Ты молодец.

Папа погладил меня по голове.

Э-хе-хе...

А затем папа повернулся к деревенским жителям и начал:

— Народ, я говорил с правителем-самой. Похоже, что у основания разлома из воздуха лезет огромное количество монстров.

— Это значит, мы должны выставить людей, способных сражаться?

— Это во-первых, да.

Откуда-то со стороны разлома донесся протяжный вой.

Шерсть на моем хвосте сразу встала дыбом. Это был очень страшный вой.

— Ты в порядке?

— Угу...

— С-срочно! Всё плохо! Монстры наводнили город! Там настоящий ад! — воскликнул с испуганным лицом подбежавший к нам дядя, живший по соседству.

— Ч-что?! Не может быть, почему так быстро?!

— Правитель сказал, что монстры прорываются, что всем нужно немедленно бежать, не теряя ни секунды! Он уже отправил запрос на войска для защиты замка.

— А что с самим правителем?

— Я не знаю... но он сказал, чтобы все по возможности помогали эвакуации — нужно минимизировать количество жертв.

— Гх...

Папа и остальные жители переговаривались с жутковатыми лицами.

— И это в такое-то время все лучшие бойцы Садины и нашей деревни отправились далеко в море на рыбалку...

— Там тоже всё плохо. Я не уверен, что они вернутся.

Обстановка ухудшалась с каждой секундой.

А затем... раздался странный щёлкающий звук, и все жители тут же повернулись на него.

— Что... это?

Кажется... что-то... похожее на толпу скелетов медленно брело в нашу сторону.

И эти похожие на скелетов существа держали в руках угрожающе поблескивающее оружие.

«Страшно...» — инстинктивно подумала я.

«...Чудовища».

Да, это слово просто идеально подходило им.

— А, а-а-а-а-а! — закричал дядя дурным голосом и пустился в бегство.

Вслед за ним закричали и другие жители.

Но папа встал на пути чудовищ.

— «Как источник силы, я повелеваю: свет, порази врагов предо мной!» Фёст Хоули![]Святость
1.

Папина магия, сверкнув, попала в скелет и раздробила его.

— Люди, прошу, не паникуйте и выслушайте меня. Нам нужно как можно скорее бежать. Пусть наши расы и обладают крепкими телами, но даже мы не выдержим битвы против этих монстров.

— Согласна, — ответила мама, расправляясь ещё с одним скелетом с помощью топорика.

Но основная часть волны продолжала надвигаться на деревню.

— Мы отступаем. Ну же.

— Х-хорошо.

— Пожалуй, ты прав.

Все успокоились и начали эвакуироваться.

Пока что мы решили двигаться в сторону портового города — он был довольно далеко, и там наверняка пока ещё безопасно.

Но даже если беда дойдёт и дотуда, то будет возможность сбежать в море, и уж на таком расстоянии от разлома мы будем в порядке.

— Га-а-а-а-а-а!

Но нашему желанию не суждено было сбыться.

— Кх... ну и чудовище.

По деревне бежал очень большой пёс с тремя головами.

Папа и мама славно сражались, но этот враг им не по зубам. Он так быстро бежит, что ни магия папы, ни топорик мамы не могут по нему попасть.

— Га-а-а-а!

Яростный взмах гигантских когтей отшвырнул в сторону одного из деревенских жителей, который сражался бок о бок с папой. Его руки и ноги страшно выгнулись, он повалился на землю.

Э? Что?

Этого... не может быть.

— А, а-а-а-а-а-а!

— Кья-а-а-а-а-а!

Жители вновь впали в панику и начали беспорядочно метаться во все стороны, забыв про эвакуацию.

Они совершенно не слушали увещаний отца и бежали в сторону моря.

Обезумевшая толпа оттолкнула меня в сторону, и я упала.

— Стойте, народ!

— Ты в порядке? — мама взяла меня на руки и помогла подняться.

Но лицо её было бледным.

Этот огромный трёхглавый пёс добивал бегущих жителей когтями и клыками.

— М-мне страшно...

Я дрожала от страха, и мама погладила меня по голове.

— Не бойся. Всё хорошо, мы обязательно спасёмся.

— У-угу.

Если так сказала мама, то так и будет... правда?

— Идём.

Папа догнал убегающих жителей. Мы с мамой побежали вслед за ними.

Деревенские жители наперегонки бежали к обрыву и прыгали с него в море.

Но большой пёс проследовал прямо за ними, он не хотел их оставлять. Это казалось невероятным, но он прыгнул в то самое море, которое все считали безопасным, и принялся пожирать их.

Море мгновенно окрасилось красным.

— А, а-а-а-а-а-а...

— М-мы опоздали!

Голос папы был непривычно испуганным. От страха я спряталась за спинами папы и мамы, которые атаковали большого пса чтобы спасти остальных.

— Га-а-а-а-а!

Огромный трёхглавый пёс с воем выпрыгнул из воды и приземлился точно возле нас. Он специально встал так, чтобы за нашими спинами оказался обрыв, и бежать нам было некуда.

— Кх...

Большой пёс о трёх головах накинудся на нас с когтями.

Магия папы смогла отбить когти, но его плечо всё же было задето, и из него брызнула кровь.

Э?

— Дорогой, ты в порядке?

— Да, в порядке. Но...

Позади обрыв, а остальные деревенские жители уже в море. В своем прошлом порыве пёс

растерзал больше половины...

— И-и... — я испуганно вцепилась в мамину юбку.

Наши изо всех сил пытались плыть. Но бурное течение всё никак не утихало. Такими темпами они все утонут.

— Если мы ничего с ним не сделаем, он догонит остальных. Погибнут все, кому удалось выжить.

— Да...

— Главное — не мешай.

— О чем ты говоришь? Я полностью готова.

Переговорив друг с другом, папа с мамой посмотрели на меня.

— Рафалия.

— А?

Мама успокаивающе погладила меня по спине.

— Всегда улыбайся и дружи с остальными, хорошо?

— Правильно. Когда улыбаешься ты, улыбаются и все вокруг тебя, — папа погладил меня по голове. — Рафалия... наверное, после этого тебе будет очень тяжело. Быть может, ты и вовсе умрёшь.

— Но помни, Рафалия. Мы хотим, чтобы ты выжила несмотря ни на что... поэтому, прости нас за этот раз.

И в этот момент в моей груди появилось неприятное предчувствие того, что больше я папу и маму не увижу.

— Нет! Папа! Мама!

Я не хотела отходить от них.

Ведь и у папы, и у мамы были такие печальные лица, каких я ещё не видела.

Я тянула руки изо всех сил. Но...

Мама с силой толкнула меня, и я упала с обрыва в море.

Мир перед глазами заволочло пузырями, и я поспешила высунуть голову из воды.

И я... увидела тот самый момент, когда тот огромный трёхглавый пёс набросился на папу и маму.

— Не-е-е-е-е-е-е-е-е-е-т!

Меня уносило течением, но я сопротивлялась из последних сил.

В конце концов, мне всё же удалось добраться до берега, но к тому времени уже полностью стемнело.

— Ха-а... ха-а...

На берегу было ещё несколько выживших жителей... но были и трупы, которые течение выбросило на берег.

Небо уже окрасилось в привычные цвета.

На тот момент я ещё не знала, что произошло.

Я побежала к тому самому обрыву, думая лишь о том, что хочу как можно скорее вновь встретиться с папой и мамой.

Вокруг валялись разбросанные кости скелетов. Похоже, здесь уже были авантюристы и подкрепление из замка, прогнавшие монстров.

И затем... я... вернулась на обрыв.

Там были... куски мяса... и труп того чудовища. Его как раз уносили рыцари и авантюристы.

И тогда я начала понимать, что произошло.

— Повезло нам, что он был таким слабым.

— Похоже, его до нас ранили, это сильно помогло.

Тут авантюристы и воины заметили меня, стоявшую на месте столбом.

— Это что за малявка? Может, в плен её?

— Погоди, это ведь земля полулюдей?

— О чём ты? Местный феодал мёртв. Нам же недавно сообщили.

— Ясно.

— Не, давайте не будем её трогать, а то мало ли что.

Я шагнула вперёд, и воины с авантюристами расступились.

Тогда я прошла на край обрыва... и увидела то, что осталось от моих родителей. Меня обуяла дрожь, и я разревелась.

— Не-е-е-е-е-е-е-ет!

Я не знаю, сколько времени прошло.

Я опомнилась уже после того, как похоронила папу и маму.

«Всегда улыбайся и дружи с остальными, хорошо?»

«Правильно. Когда улыбаешься ты, улыбаются и все вокруг тебя».

— Угу...

Мама и папа доверили мне тех людей, которых спасли ценой собственных жизней.

Поэтому... я обязательно буду следовать словам своего папы!

Если я так и буду продолжать плакать, мама и папа рассердятся.

— Больше плакать не буду... ну что, я пошла.

Я выдвинулась в сторону деревни.

— А-а-а-а-а...

— Папа, мама.

В деревне собрались все выжившие. Взрослых было немного, в основном дети.

— Это ты, Рафталия?

— Да...

— Твои папа и мама в порядке? — обеспокоенно спросил меня живший по соседству дедушка.

Я изо всех сил постаралась не заплакать и покачала головой.

— Ясно... прости...

Дедушка стушевался. Он подумал, что если скажет что-то ещё, то доведёт меня до слёз.

— Всё в порядке. Папа дал мне задание — он сказал, что сейчас именно то время, когда я должна подбадривать остальных.

— Ясно... ты сильная.

— Э-хе-хе.

Я что, улыбаюсь?

Вот и хорошо. Если бы я плакала, папа и мама рассердились бы.

— Ребята! — громко воскликнула я, привлекая внимание детей. — Я знаю, что вы грустите. Я тоже... но подумайте. Разве ваши папы, мамы, братья, сёстры и друзья хотели бы, чтобы вы плакали?

От моих слов скривились и дети, и взрослые.

Я положила руку на грудь и шагнула вперед.

— Я обращаюсь и к тем, кто до сих пор не верит в то, что их близкие умерли. Что они скажут, когда вернутся и увидят деревню в таком состоянии?

Да. Эта деревня — наш дом. Сейчас её состояние не могло устроить никого.

И мой отец, и правитель-сама говорили, что деревня — это наша общая семья.

— Я знаю, вы очень горюете. Но я считаю, что именно поэтому мы, выжившие, должны отстроить всё заново. Ведь все мы — одна семья.

Да, мой отец всегда говорил, что каждый житель деревни ему дорог, словно родственник.

Поэтому я тоже хочу жить его словами и ценить всех жителей деревни.

— Хорошо? Пожалуйста, — сказала я им, улыбаясь изо всех сил.

— Рафталия-тян...

— Рафталия-тян, ты что, не грустишь?!

— Как ты можешь улыбаться, когда твои родители погибли?!

От этих слов моя улыбка немного угасла.

Но я не буду плакать. Ведь если я начну, то уже не смогу остановиться.

— Да... мне вовсе не... грустно.

Мне нельзя плакать. Ведь если начну я, то не остановится уже никто.

— П-понятно.

— Смотрите — эта маленькая девочка старается изо всех сил! Народ! Так может, и мы напряжёмся и попробуем пережить это?!

— Ага!

— Да!

— Правильно! Рафталия-тян! Мы тоже не сдадимся! — воскликнул Кил-кун, который до того был готов вот-вот разреветься.

— Хорошо!

А затем прямо перед нами на землю спланировал символ нашей деревни, подаренный нам правителем-самой — флаг.

Он словно подтверждал, что мы сказали правильные слова.

Да, это будто... награда от следящих за нами папы и мамы.

Я взяла флаг в руки, затем взрослые нашли длинную палку, и я привязала его к ней.

— Это знак с небес! Ну что, народ! Отремонтируем наш дом?!

— Да!

После этого все в едином порыве начали изо всех сил работать над восстановлением деревни.

— Не-е-е-е-е-ет!

Я резко вскочила. Я... внутри палатки, служившей нам временным кровом.

Мой дом сгорел дотла, и я спала вместе с остальными.

Кажется, я видела сон.

— Ч-что это сейчас был за крик? — спросил меня подбежавший дедушка.

— Что?

— Ты ведь сейчас дико кричала, Рафталия?

— Правда?

Я должна улыбаться, иначе испорчу всем настроение.

— Все хорошо! Просто сон нехороший попался.

— Л-ладно, если так. Береги себя, не мучайся понапрасну.

— Берегу-берегу, не переживайте так!

Папа. Мама.

Я буду стараться. Изю всех сил...

На следующее утро.

Решив оставить пока выгоревшие и обвалившиеся дома, мы сконцентрировались на ремонте тех, в которых ещё можно было жить.

А ещё... мы выделили людей для того, чтобы они похоронили тех жителей деревни, чьи трупы прибило к берегу.

Взрослые самозабвенно восстанавливали деревню.

Дети тоже работали, стараясь помогать им.

Но запасы еды вызывали беспокойство.

Сначала мы собирались рыбачить и есть улов, но море бушевало, и эту мысль пришлось оставить.

— Остается только...

Мы пересчитали выживших.

От населения деревни осталась лишь четверть.

И всё же дедушка призывал думать о тех, кто ещё жив.

— Но мы всё ещё живы. Всё как ты и сказала, Рафталия-тян.

— Угу!

Тогда... я ещё не знала, что все наши усилия будут безжалостно растоптаны.

— А! Что вы делаете?!

На деревню набежали враждебно выглядящие люди и начали первым делом рубить всех взрослых.

— И-и?!

— К-кто вы такие?!

— Ха-ха-ха, похоже слухи о том, что полулюди выжили, оказались правдивыми.

— Ага, и теперь их никто не защищает, а значит на них можно неплохо заработать.

— Во-во! Получай!

Дедушка шагнул вперед и гневно воскликнул:

— Правитель-сама ни за что не простит вам этого! Здесь неподалеку всё ещё находятся солдаты из замка!

В ответ на эти слова плохие люди дружно расхохотались.

— Мёртвым правителем ты нас не запугаешь. А кроме того...

Это случилось за мгновение. Я была так напугана, что не успела понять, что произошло.

Из живота дедушки торчал меч плохого человека.

— Э?..

— Кха-а...

— Ты хоть знаешь, что мы и есть те солдаты, о которых ты говоришь?

— Да ничего они не знают.

— Я уж понял.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Дедушка повалился на землю, отплевываясь кровью... и вскоре окоченел.

Под моими ногами растекалась красная лужа...

— А, а-а-а-а-а-а-а!

Меня охватила паника. Не понимая, что ещё делать, я пустилась бежать.

— Не упустите её! Убивайте всех стариков! Женщин и детей можно продать, их брать живыми!

Что случилось после этого, я помню плохо.

— Не-е-е-ет!

— Заткнись! Получай!

— А, ух...

Кажется, кто-то схватил меня за волосы, а потом изо всех сил ударил.

Прошла неделя. Каждую ночь я видела в своих кошмарах последние мгновения жизни моих папы и мамы.

В тот самый день меня поймали и продали как рабыню.

Сначала мне попался довольно добрый человек. Кажется, он хотел сделать из меня служанку. Но... по неизвестной причине продал меня назад.

А затем...

— Н-н-на!

— Кх...

Почему? Почему он делает такие ужасные вещи?

Толстый неприятный мужчина. Он посадил меня в темницу под каким-то большим особняком в неизвестном мне городе.

И вместе со мной он... нет, чуть раньше меня он купил и Лифану-тян.

И каждый день, когда у него появлялось настроение, он подвешивал нас на цепях и хлестал кнутом.

Он бил нас, не переставая. Мы истекали кровью, а он всё продолжал неистовствовать.

Если мы пытались хоть немного возмущаться или жаловаться, то к ударам кнута добавлялись мучения от странного рисунка на груди, называвшегося Печатью Раба, и боль эта была почти невыносимой.

Но я не сдавалась.

Будь на моём месте папа или мама, они бы выдержали.

Поэтому я ни за что не сдамся.

— Рафталия-тян... кхе.

— Не волнуйся. Мы обязательно, обязательно вернёмся в нашу деревню!

Когда мы воссоединились здесь с Лифаной-тян, она уже была простужена. Но мужчина всё продолжал хлестать её кнутом.

— Да... ты пра... ва.

Что этот мужчина хочет от нас? Что такого весёлого он находит в том... что хлещет нас кнутом?

— Ха! Опять вы там о чём-то мечтаете?!

Удар — и из раны на моей спине хлынула кровь.

От боли из глаз тут же хлынули слезы.

— Реви, реви громче!

— У-у, гху!

В тот день мои пытки были особенно жестокими.

Когда он, наконец, отпустил меня, и моё истерзанное тело вновь почувствовало под собой грязный пол, я на четвереньках подползла к больной Лифане-тян, чтобы как-то помочь за ней.

Все, что мы сегодня ели, — мерзкий, вонючий суп, похожий на грязную воду.

— Ха-а... ха-а...

Я помогла Лифане-тян выпить его, чтобы продлить ей жизнь.

Ничего, мы обязательно вернёмся в деревню. Ведь... там нас уже заждались.

— Потерпи, я обязательно спасу нас.

Я осторожно, чтобы не создавать лишнего шума, подтачивала камешком прутья решетки, собираясь потом сломать её. Выбравшись из клетки, мы смогли бы скрыться. А затем — и сбежать!

— С... па... сибо...

— Ага! Все ждут нас!

Мои папа и мама оставили деревню на меня.

И её жители наверняка помогут нам.

Наверняка скоро сюда придет Садина-тян с остальными. Нам нужно лишь дожить до этого.

— А-а... я вспоминаю... тот день. Помнишь? Раф... тали... я? — лежавшая на спине Лифана-тян протянула к потолку дрожащую руку. — Помнишь?.. Флаг... правителя... самы... помнишь?

— Да... да, — я крепко сжала протянутую ладонь Лифаны-тян в своих руках.

Я хорошо помню тот флаг, что придал жителям сил.

Это был прекрасный, мирный момент, тогда можно было позабыть о невзгодах.

Но его уже не вернуть.

Поэтому я должна вернуть спокойствие того дня своими собственными руками...

— Кхе! Кхе...

День третий...

Послышались звуки шагов того мужчины.

— Лифана-тян! Кхе!

Снова пришло время адских мук. Я заразилась простудой от Лифаны-тян. Но это ничего.

Я прикрыла наполовину сломанные прутья клетки соломой.

— ...

Лифана-тян ничего не ответила.

— Лифана-тян?

Мужчина подошел к клетке, открыл дверь и потрогал Лифану-тян.

— ...Сдохла, что ли? Беда, — произнёс он, поднимая её одной рукой и осматривая.

Лифана-тян бессильно свисала с его руки, не подавая признаков жизни.

— Я вот-вот собирался сдать её обратно, а она возьми и сдохни. Мне же штраф платить придётся!

С этими словами он пнул Лифану-тян, словно испортившуюся игрушку.

Как я уже потом узнала, он получал наслаждение от пыток рабов-полулюдей и их страданий.

Нас называли «вопящими рабами» и сдавали в личное пользование напрокат.

— И-и?!

Э? Э? Лифана-тян?

Это... это ведь шутка, да?

Я коснулась Лифаны-тян дрожащими руками.

И когда я ощутила ужасный холод её тела, моё сердце дрогнуло.

Нет, Лифана-тян!

Скорбь, страх, гнев по отношению к несправедливости, отчаяние.

Отрицательные эмоции грязным потоком хлынули в моё сердце, превращая его в болото.

Почему? Ведь Лифана-тян не делала ничего плохого!

— Да и ты надоела каждый вечер кричать! Спать не даёшь!

— Ик, гх... Ли... фана... тян!

Мужчина подвесил меня и начал хлестать кнутом. В этот раз он орудовал им особенно долго.

Но я ни на мгновение не сводила глаз с Лифаны-тян и совершенно не ощущала боли.

— Ах, да. Ты там всё говорила о какой-то деревне, в которую хочешь вернуться, да?

— ...

Мне незачем было отвечать ему. Ведь это был дом, в котором меня ждали.

— Кажется, твоя деревня давно заброшена. Вот доказательство.

С этими словами мужчина показал мне хрустальный шар.

Шар засветился и спроецировал на стену изображение деревни.

Там... никого не было... деревня выглядела ещё хуже, чем когда я покинула её.

Но главным доказательством были останки безжалостно сожжённого флага.

— А-а, мне кто-то говорил, что ты — та самая девочка, которая подбадривала жителей той деревни. Но все бросили её и бежали.

— А...

Мужчина злорадно рассмеялся. Видимо, он был доволен тем, что увидел меня такой после того, как я упорно не поддавалась.

— У... у-а-а-а-а-а...

И тогда... я почувствовала, что внутри меня что-то сломалось.

Мне стало всё равно.

В той деревне, которую оставили мне папа и мама, никого не осталось.

И что же мне тогда... делать?

У меня больше никого не осталось.

— Ревя!

Боль сводила меня с ума.

Тот кошмар, что я видела каждую ночь, постепенно подтачивал меня.

Кошмар о смерти моих родителей... стал еще хуже.

«Ты виновата, ты не смогла спасти деревню. У тебя нет права улыбаться. У тебя нет права

жить. Умри», — шептали они мне.

Да... они правы... я уже никогда не смогу улыбнуться.

Я не хочу улыбаться.

Поэтому, за то, что я нарушила обещание, я...

Наконец... мужчина решил избавиться от меня и продал.

Хотя, нет, возможно, истёк срок моего проката для пыток.

— Какой ужас... я не смогу многого дать вам за неё. О да.

— Она уже полудохлая. Я взял её напрокат, но она сильно износилась. Вот я и решил продать её — так я больше сэкономлю.

— Я вас понял. О да.

Толстый человек во фраке выкупил меня у того мужчины. Это был не тот человек, что торговал мной поначалу.

Он мой следующий хозяин?

— Куда же мне тебя приспособить...

Мой новый хозяин поделился со мной лекарствами и едой.

— Кхе, кхе!

— ...Видимо, ты долго не протянешь. О да, — пробормотал он и запер меня в клетке.

Моя жизнь... уже ничего не значила.

Деревни, которую я должна была защищать, больше не было, мои папа и мама умерли, и даже говорили мне, чтобы умерла и я.

Мне тяжело. Хочу умереть поскорее.

Я не знаю, сколько прошло времени. Иногда мимо моей клетки проходили разные люди, но голова уже практически не работала.

А затем...

— Здесь самые дешёвые рабы, которых мы только можем представить господину... [□]Вместо слова «Герой» находился прочерк.

Мой хозяин о чём-то говорил с молодым человеком, стоявшим перед моей клеткой.

— Слева направо: представитель кролеобразных с наследственным недугом, больная представительница енотообразных, страдающая от приступов паники, и зверочеловек-ящер.

— Что-то они все не без нюансов.

Молодой человек вёл переговоры с хозяином. А затем наши глаза вдруг встретились.

Его глаза сверкали таким пронзительным светом, словно он мог убить меня одним только взглядом.

От его глаз у меня невольно спёрло дыхание.

Он сразу же переключил свое внимание на остальные клетки, но я успела до ужаса испугаться.

Он был полон такой ненависти, что тот мужчина с кнутом ему бы и в подмётки не сгодился.

Казалось, будто он ненавидит весь белый свет.

Наверное, если он купит меня, то я сразу же умру...

— ...панические атаки по ночам, в общем, я умываю руки.

Он что, говорил обо мне? Не знаю.

Но в итоге купили всё же меня.

Боль от обновления Печати Раба была такой же неприятной, как и всегда.

Но я знала, что уж этот человек наверняка станет моим последним хозяином.

В конце концов... мне уже недолго осталось.

Затем хозяин дал мне нож и приказал убить монстра.

Было очень страшно. Но если я не била, приходила новая боль.

Когда мы вышли из оружейной, у меня заурчало в животе.

Сейчас он опять рассердится!

Я замотала головой, отрицая свой голод. Нет, я не голодна, не сердитесь, не бейте меня кнутом!

— Ха-а... — вздохнул он в ответ.

Как? Он не сердится?

И тогда мой хозяин повёл меня в заведение, где подавали еду.

Эту дешёвую городскую столовую я когда-то видела.

— Это, мне самое дешёвое, что есть в меню, а этой маленькой леди то же, что у того ребёнка.

— Э?!

Мой хозяин, во взгляде которого читалось «что же ты так завистливо смотришь», заказал мне еду. Я не поверила своим ушам.

Ведь за пределами моей деревни нет хороших людей. Так почему?

— Поче... му?

— М? У тебя на лбу написано, что ты есть хочешь. Или ты что-то другое хотела?

Я замотала головой.

— Поче... му вы... позволяете мне такое есть?

Ведь с того дня, как я стала рабом, никто никогда не обращался со мной так.

— Я же сказал, у тебя на лице было написано, что ты его хочешь.

— Но...

— Короче, ешь и поправляйся. Такие тощие дети долго не живут.

Не живут... он прав. Я наверняка умру. Меня наверняка добьёт та же болезнь, что убила Лифану-тян.

— Извините за ожидание.

Передо мной появилась чудесная еда, украшенная флажком.

Перед глазами стояла та самая вещь, на которую я завистливо заглядывалась. Но наверняка, как только я попытаюсь притронуться к ней, этот человек скинет её на пол с громким смехом.

— Ты что, не будешь? — удивлённо спросил меня человек, глядя, как я не притрагиваюсь к еде.

— Мне и вправду можно?..

— Эх... да можно, можно, ешь уже.

Угу. Похоже, всё же придется. Я осторожно протянула руки.

Затем искоса посмотрела на хозяина.

Не похоже, чтобы он что-то собирался делать. Я притронулась к еде.

Я вытащила флажок, и меня наполнило чувство того, что я сделала что-то важное. Я ощутила такое удовлетворение, словно кроме этого флажка мне больше ничего не надо. Я словно вновь оказалась в родной деревне. Словно тот потерянный флаг вновь вернулся ко мне.

Я продолжала уплетать роскошный обед, крепко сжимая флажок. Было так вкусно, что я заплакала.

Если я буду плакать, он рассердится. Я должна изо всех сил скрывать свои слёзы.

— Вкусно?

— Да!

Чёрт! Я забылась и ответила слишком громко. Наверняка он ждал, пока я обрадуюсь, чтобы сделать со мной что-то ужасное!

— Ясно. Вот и славно, — ответил хозяин, и я в недоумении склонила голову.

Мне казалось, словно флажок в моей руке излучает тепло.

По сравнению с тем флагом, что дал нам правитель-сама, этот был маленьким и дешёвым, но... он напоминал мне о важных вещах, словно хранил в себе всё то, что я потеряла.

Я посмотрела на молодого человека.

Его лицо оставалось всё таким же страшным, но сейчас мне показалось, что что-то в нём изменилось.

«Этот человек... не такой, как все? Он добрый, несмотря на жуткий голос и страшный взгляд?»
— задавалась я бесконечными вопросами.

В тот день случилось ещё много чего. Он дал мне лекарство, мы много ходили.

Но самая большая разница по сравнению с предыдущими днями была в другом.

Тот кошмар, что терзал меня всё это время... изменился.

— Рафталия.

Мои папа и мама стояли на краю обрыва.

— Папа! Мама!

Я бежала к ним как только могла.

Я хотела воссоединиться с ними. Я хотела быть с ними вечно.

Хоть я знала, знала, что не должна плакать перед папой и мамой, слёзы сами лились из моих

глаз.

— Всё хорошо... всё хорошо.

— Не плачь. Будь сильной.

— У-у... но...

Я продолжала плакать, а папа и мама нежно утешали меня.

— Мы всегда будем следить за тобой.

— Да, поэтому будь счастлива.

— Но...

— Не бойся, тот человек тебя не...

В этот момент я проснулась.

К моему удивлению, мой хозяин держал меня на руках и успокаивал.

...Похоже, он не плохой человек. А кроме того, он не собирается ранить меня забавы ради.

Он очень неловкий и часто грубит, но я знаю, что он не злой.

Хоть у него почти нет денег, он всегда кормит меня, когда я голодна, даёт лекарства и покупает экипировку в первую очередь мне, а не себе.

В тот момент в моём сердце проклюнулось новое непривычное чувство, новый крохотный росток... но этот факт, а также, что именно это было, я поняла намного позже.

А ещё я узнала, кем именно был этот человек.

Этот человек с печальными чёрными глазами, полными ненависти...

Этот грубый, вспыльчивый, невежливый, страшный человек.

И в то же время человек, знавший боль других людей... человек с очень, очень добрым

сердцем.

Да, моим хозяином стал... тот самый Герой Щита-сама, о котором мечтала Лифана-тян.

И я получила от Героя Щита-самы ещё много разных вещей.

Я потеряла всё, но теперь моя сокровищница вновь начала наполняться.

— Хи-хи-хи, — засмеялась я, складывая свои сокровища в мешочек, который дал мне Герой-сама.

Мячик. Сломанный ножик. Множество других вещей. Но моё главное сокровище — тот самый флажок.

Я получила от него и много других вещей, которые в этот мешочек не влезали, но которые согревали меня.

Я вылечилась и со временем почувствовала, что становлюсь сильнее.

— На, это твоя еда.

— Есть!

Лифана-тян. Ты уже слышала?

Что я сражаюсь плечом к плечу с Героем Щита-самой?

Наверняка ты удивлена.

В тот день мне снова приснился сон... очень хороший сон.

Словно Лифана-тян не умерла, а сидела передо мной и улыбалась. И мы с ней обсуждали всё, что случилось, и прочие приятные мелочи.

— Держись, Рафталия-тян.

— Я держусь.

— Хорошо тебе... быть вместе с Героем Щита-самой...

— И-хи-хи, завидуешь, да?

— А-а, не смейся надо мной!

Лифана-тян из моего сна улыбалась такой улыбкой, в которой не было ни капли горечи.

— Я буду следить за тобой.

— Хорошо.

— Ты ведь вернешься к нашей деревне и нашему флагу?

— Да. Я обязательно верну её!

Ведь мои папа и мама следят за мной оттуда. Поэтому я обязательно выживу и отстрою деревню заново.

Я хочу стать сильной, чтобы наказать плохих людей, которые похитили нас.

Это жестокий мир, он полон горечи и зла, но я не сдамся.

Я больше не хочу никого терять.

Я научусь защищать маму, папу, Лифану-тян и Наофуми-саму.

И ради этого я... буду продолжать идти вперёд.